

ГРИША БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ДРУГОМ

15 июня 2000 года умер Григорий Горин, драматург, писатель, человек, дружбой которым дорожили артисты и режиссеры, прозаики и поэты. В последние годы Григорий Горин был членом редколлегии проекта «Антология сатиры и юмора России XX века», поэтому издательство «ЭКСМО» сочло своим долгом подготовить книгу воспоминаний о Григории Горине. **Перед вами фрагмент книги.**

С Гришей Гориним мы дружили тридцать лет. Сначала было просто знакомство, затем товарищество, а сошлись мы со временем. Как обычно начинаются отношения? Нравятся друг другу люди, находят что-то общее во взглядах на жизнь, на дело. Так и мы постепенно сближались, а потом дружили совсем тесно и уже, наверное, были не как друзья, а как родственники. Сыграло роль еще и то, что с Гришей дружил Андрияш Мионов, с которым я тоже был очень близок. Со временем мы стали одной компанией, постоянно виделись, разговаривали по телефону, ежедневно общались. Можно сказать, мы и не расставались.

Я виделся с Гришей в последний день его жизни. У меня испортилась машина, я отдал ее в мастерскую, и он предложил: «Ну что ты будешь мучиться, возьми мою «Ниву», поездишь, пока тебе вернут». Я приехал к ним в двенадцать часов дня, и Гриша сказал мне: «Что-то я себя плохо чувствую». На что я ответил: «Ты себя плохо чувствуешь?! Это я себя плохо чувствую!» Мы еще на эту тему пошутили и пошли в гараж. Он стал вытирать «Ниву», чуть ли не мыл ее. Я говорю: «Оставь, не надо». А он: «Нет, я должен отдать тебе машину чистой». Потом мы еще целый день перезванивались, вечером я играл, а когда пришел со спектакля, моя жена Таня передала, что Гриша два раза звонил. Я набрал его номер, но у них в это время была в гостях их подруга из Израиля, так что он перезвонил в двенадцать часов ночи и сказал,

что болен: «Но, может, это невралгия. Когда ложусь — перестает, встаю — опять начинается». Таня, поскольку она врач, говорит: «Какая невралгия, Гриша? Ты все-таки тоже врач! Боль в две стороны отдает, а не в одну... Немедленно вызывай «скорую». Он согласился: «Ну, сейчас Любочка вернется, она пошла Наташу проводить, я не хочу ее пугать».

Приехала «скорая», сделали какие-то уколы, кардиограмму, сняли боли, измерили давление и предложили ехать в больницу. Он отказался. Это было очень типично, что он так халатно к себе отнесся, Гриша всегда боялся стеснить других, причинить беспокойство.

Следующий телефонный звонок был в пять часов утра. У Гриши начались страшные боли. Снова вызвали «скорую», потом вторую. Я Тане говорю: «Не могу больше, давай поедем». И в шесть утра мы на его «Ниве» к ним и приехали. Там были обе бригады — за закрытой дверью. Таня зашла к нему, а Любочку они не впустили. Врачи сняли боль и хотели его перевезти... Мы созвонились с главным врачом «скорой помощи», чтобы выяснить, где лучше реанимация — в Институте Склифосовского или в Боткинской? Потому что было ясно, что до кардиоцентра они его не доvezут, слишком далеко. Решили, что ближе и лучше, наверное, в Боткинскую. Но когда его тронули, опять начался приступ. Стало ясно, что он нетранспортабелен.

Потом я зашел в комнату, увидел его... Это было ужасно... Страшно,

ужасно, глупо... Мы же все время шутили, острили на тему того, что у него очень хорошая генетика. Гриша ездил на свое шестидесятилетие в Америку к отцу, которому исполнилось девяносто пять лет. Он потом умер вскоре после Гриши, в девяносто шесть, видимо, не выдержал его смерти. Но за несколько месяцев до этого держался замечательно. Когда Гриша прилетел, они ходили в ресторанички, выпивали, и он вернулся очень счастливым, оттого что отец так хорошо себя чувствовал, такой молодец. И мы всегда говорили, что ты, мол, долгожитель, у тебя хорошая наследственность...

А если говорить о том, какой Григорий Горин был человек, то вот что я хочу сказать. Все считали его веселым, остроумным, легким. Когда речь идет о Грише, часто говорят, что он — солнечный человек. Да, солнечный, но это только первое впечатление. Мне так кажется. На самом деле он был очень грустным человеком, и даже более того — до некоторой степени пессимистично настроенным. В последние годы, когда

«Знаешь, — говорил мне Гриша, — у меня уже вся пьеса в голове есть, но я себя так плохо чувствую, что не могу подняться на то, чтобы ее написать».
Я так и не узнал, о чем эта пьеса...

мы говорили о политике, о жизни, его мучили мрачные опасения. И вообще, легкость и веселость — совсем не главные его черты. Хотя для других он действительно таким был. В Грише очень сильно жило желание сделать другому хорошо, помочь, поддержать в данную минуту, если тебе плохо.

Помню, я собрался лечь в больницу на небольшую операцию. Он узнал об этом и сказал: «Тогда я тоже лягу». Я познакомил его с замечательным врачом, грузином. Гри-

Екатерина ЦВЕТКОВА

ша ему что-то подарил, сказал, что у него жена грузинка, значит — они с ним почти родственники. Нам дали палату, и мы неделю лежали вдвоем. Это было одно из самых веселых наших времяпрепровождений — круглые сутки вместе. Я пошел на операцию первым, потому что он боялся и хотел посмотреть, как со мной будет. Я вернулся и говорю: «Нормально все, иди». Лежу в палате, жду, вдруг врывается бригада, вкатывают каталку, он весь белый. Врачи кричат: «Мы его теряем!» Оказывается, у Гриши от

Мионову, Марка Захарова, Ширвиндта, Державина, Ларису Голубкину, меня. Уговорил Алексея Габриловича снимать там фильм о Мионове. Мы поехали в Шауляй, и 16 августа, в день несостоявшегося концерта, по этим невозвращенным билетам был устроен потрясающий вечер, посвященный Андрею. А ведь не так-то просто было собрать вместе столь занятых людей, и все организовать в уже отделившейся тогда, в 90-м, Прибалтике. Только Гриша мог поднять нас на такое дело.

У нас, конечно, была великолепная компания. Когда собирались, то волей-неволей начиналось если и не соревнование, то уж такое веселье, что просто феерия. Андрияшка за столом держал себя фантастически остроумно. Если он начинал вести, то даже Гриша с Аркашей Хайтом не могли его перебить, хотя они профессионалы в этом деле. И все же они прорывались, так что наши застолья проходили безумно весело.

А работалось с Гришей хорошо и легко. У нас была одна совместная работа — спектакль «Кот домашний средней пушистости». Довольно давно я дружу с Володей Войновичем, который, когда еще жил в эмиграции, присылал мне с оказией свои новые книги, поскольку в то время по почте их нельзя было отправить — Войнович считался врагом. Потом, слава богу, начался момент некоторого послабления, и наш общий с Войновичем друг, художник Боря Биргер, ставший впоследствии и

Гришиним другом (он писал портреты его и Любы), привез две новые книги, в одну из которых вошла повесть «Шапка». Она мне очень понравилась. Как было бы хорошо ее поставить! Но ведь это чистая беллетристика, из нее не сделаешь пьесы. И тут я подумал: а Гришка все-таки сделает! Я занес ему книгу, объяснил все, вечером он мне позвонил: «Я уже придумал». Он иногда очень мучительно писал, а бывало, у него задумка рождалась поразительно быстро.

Гриша был скромным человеком и всегда говорил: «Ну, это Войнович, которого я сделал для сцены». А Войнович считал: «Нет, это Горин, потому что он столько туда привнес». Так они друга на друга ее успех и переключивали.

Когда мы виделись с Гришей в последний день его жизни, он сказал, что хочет рассказать о своей новой пьесе. После первой совместной работы он мне часто рассказывал какие-то свои задумки, читал кусочки из пьес, спрашивал, советовался. Не потому что я ему такой уж помощник, а просто со стороны свежий глаз и профессионалу нужен был, а критика. Но затем он произнес слова, после которых я понял, что его жалобы на плохое самочувствие — это серьезно: «Знаешь, у меня уже вся пьеса в голове есть, но я себя так плохо чувствую, что не могу подняться на то, чтобы ее написать».

Я так и не узнал, о чем эта пьеса, думал, в следующий раз поговорим. Но он унес ее с собой.